

ГРАФИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРИЧАСТИЯ И ПРИЧАСТНОГО ОБОРОТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Л. М. Кольцова, О. Ю. Новикова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 марта 2014 г.

Аннотация: *статья посвящена обзору средств графической репрезентации причастия и причастного оборота в художественном тексте. Рассматриваются условия употребления разных знаков препинания и особенности их функционирования. Данная тема представлена в трех аспектах: номинативном, прагматическом и коммуникативном.*

Ключевые слова: *причастие, причастный оборот, предикативность, обособление, авторская пунктуация, авторская интенция.*

Abstract: *the article reviews the means of graphic representation of participle and participial phrase in the literary text. We examine the conditions of using different punctuation marks and their functional features. Research topic is described from nominative, pragmatic and communicative aspects.*

Key words: *participle, participial phrase, predicativity, punctuation marks, author's punctuation, author's intention.*

К настоящему времени понятие обособления вызывает целый ряд проблемных вопросов, требующих последовательного рассмотрения. Среди таких вопросов особое место занимает обособление определений, выраженных причастными оборотами. Их особое положение обусловлено спецификой их синтаксической природы – полупредикативностью. Таким образом, причастные обороты попадают в разряд обособленных полупредикативных членов, которые также представляют интерес для исследования. Ввиду этого очевидна актуальность заявленной темы: рассмотрение особенностей графической репрезентации причастия (причастного оборота) в художественном тексте позволит внести ясность в некоторые спорные вопросы, касающиеся полупредикативной природы причастного оборота, его синтаксической роли в предложении, проблемы обособления в целом и обособления причастного оборота в частности, а также проблемы выбора знака в трех аспектах – номинативном, прагматическом и коммуникативном.

Многие проблемы стилистики, поэтики, теории художественной речи могут быть по-новому освещены с новых позиций, в рамках номинативно-прагматической парадигмы в науке о языке, направленной на «изучение внешних связей языка с действительностью, которую он отражает, и с человеком, которому он служит» [1, с. 13]. Это касается разных сторон, разных уровней языковой системы. В том числе и такой весьма важной области, затрагивающей интересы всех без исключения носителей языка, т.е. проблемы, которая до сих пор не нашла внутренне не-

противоречивого решения, – адекватного описания пунктуации как совокупности невербальных знаков и средств, как неотъемлемой части письменной стороны языка.

В данной сфере номинативно-прагматическая парадигма пока еще робко себя обнаруживает. Между тем всё более очевидным становится тот факт, что разрешение множества теоретических и практических вопросов в области пунктуации возможно именно в рамках прагматики, предполагающей «анализ всех тех явлений, которые имеют прямое и непосредственное отношение к субъективной интерпретации сообщаемой объективной информации» [там же, с. 68].

Принципы и правила обособления причастного оборота представлены в академических грамматиках, вузовских и школьных учебниках (авторы: А. Н. Гвоздев, Д. Э. Розенталь, Е. С. Скобликова, А. М. Ломов и др.). Правила обособления причастных конструкций кодифицированы в «Правилах русской орфографии и пунктуации» [2]. Однако речевая практика оказывается шире, многоаспектнее предложенных пунктуационных норм, в результате чего можно наблюдать многочисленные случаи отступления от правил, которые требуют пристального внимания и изучения.

Правила обособления причастного оборота разнятся в зависимости от его положения. При этом учитывается конструктивная и коммуникативная обусловленность обособления, т.е. принимается во внимание не только местонахождение причастного оборота, но и дополнительная смысловая нагрузка, привносимая им в предложение.

Однако для всей полноты передачи смысловых оттенков, выражаемых причастными оборотами, большинство учебных пособий предлагают лишь один знак – запятую, – что расходится с современной практикой употребления других знаков препинания при обособлении причастных конструкций. Вполне закономерно, что практика художественной литературы оказывается богаче предписанных правил, так как художественный текст стремится передать не только и не столько определенную информацию, сколько экспрессивно-эмоциональные смыслы, что и находит выражение в пунктуации. Так, по словам Н. С. Валгиной, «...пунктуация достигла такого уровня развития, когда она стала выразителем тончайших оттенков смысла и интонации, ритма и стиля. При таком состоянии пунктуации оказывается возможным использовать и нерегламентированные знаки, так называемые ситуативные знаки и собственно авторские, которые помогают более полно и глубоко передать смысловое и эмоциональное содержание текста» [3].

Таким образом, художественная практика подтверждает наличие тех явлений, которые в отечественной русистике получили условное название «конструктивно-обусловленное обособление» и «коммуникативно-обусловленное обособление». Если первый вид обособления носит обязательный, принудительный характер (обособление обязательно, независимо от решаемых коммуникативных задач), то второй вид факультативен (говорящий сам вправе решать, требуется ли обособление при сложившейся коммуникативной ситуации) [4, с. 166–167].

Разобрать различные способы обособления причастного оборота удобнее всего с позиции его нахождения в предложении, т.е. в зависимости от положения по отношению к определяемому слову. Чаще причастный оборот занимает положение после определяемого слова, находится в постпозиции.

Постпозитивные причастные обороты встречаются гораздо чаще, нежели препозитивные, что связано с определенной трудностью использования последних: например, возможно возникновение дистанции между подлежащим и сказуемым, или нагромождение отглагольных форм, или затруднение при делении высказывания на синтагмы. Кроме того, определенную роль играет и полупредикативность причастных форм. Как отмечает Е. С. Скобликова, «...полупредикативная функция у обособленных согласованных определений в большинстве случаев совмещается с функцией дополнительной характеристики предмета. Поэтому в первую очередь обособлению подвергаются постпозитивные определения. Препозитивные определения обособляются редко и чаще всего вообще неспособны к обособлению» [5, с. 257].

Как правило, постпозитивные причастные обороты так или иначе обособляются. Исключение составляют предложения, в которых причастный оборот относится к определительному, указательному, притяжательному, отрицательному местоимению, например: *С этими блюдами не сравнится ничто подаваемое под тем же названием в хваленых харчевнях.* Хотя это правило не абсолютно: в художественных текстах встречаются и случаи обособления причастного оборота, находящегося в соответствующих условиях.

Для обособления причастного оборота, как правило, используются запятые. Однако встречаются случаи употребления и других знаков препинания.

По мнению Б. С. Шварцкопфа, среди выделительных знаков препинания запятая (в частности, двойная запятая) является наиболее слабым членом по силе выделения по сравнению со скобками и тире [6, с. 43]. Однако это не мешает запятой оставаться наиболее употребительным знаком препинания. Действительно, в большинстве случаев запятой оказывается достаточно для выделения причастного оборота: обозначенная на письме пауза показывает границы синтагм: *Так туча, закрывавшая небо целый день, внезапно уходит и обнажает огромный кусок пронзительной синевы; Если бы я стал искать гвозди, забитые мною в школьные парты во втором классе, родителям пришлось бы совершить еще как минимум три переезда* (А. Геласимов).

Двойная запятая, помимо выделительной, выполняет еще одну функцию – разделительную: будучи обособленным членом, причастный оборот требует отделения от основного предложения. Таким образом, двойная запятая, как наиболее употребительный знак при причастном обороте, решает две важные задачи – коммуникативную (выделение коммуникативно важных смысловых блоков предложения) и грамматическую (разделение предложения на синтаксические блоки). Ввиду этого становится понятно, почему двойная запятая является наиболее частотным знаком препинания при причастном обороте: она самодостаточна в данной языковой ситуации.

Однако использование запятых при обособлении причастного оборота не всегда соответствует замыслу автора, когда необходимо передать оттенки интонации и смысла. В этом случае на помощь приходят другие, более экспрессивные знаки: тире и скобки. Отсутствие привычных знаков препинания в тексте ни в коей мере не может оцениваться как отсутствие пунктуации. Нельзя, на наш взгляд, отождествлять пунктуацию только с набором знаков препинания или с правилами их постановки, как это с поразительным единодушием, постоянством и упорством повторяется практически во всех школьных и вузовских учебниках, терминологических словарях, энциклопедиях и пр.

Тире считается более экспрессивным знаком, чем запятая, его даже называют «драматическим». Функции тире, по сравнению с запятой, действительно более широкие: быстрый переход от одной ситуации к другой, средство акцентирования, сигнал эллипса, актуализатор отношений обусловленности и др. [7, с. 278]. При обособлении причастного оборота тире, как правило, выполняет функцию коммуникативного сигнала. Автор сознательно прибегает к помощи тире для того, чтобы наиболее адекватно выразить коммуникативную направленность высказывания. Таким образом, знак тире приобретает двойную функциональную нагрузку – конструктивную и коммуникативную.

По классификации Б. С. Шварцкопфа, тире, наряду с запятой и скобками, относится к классу выделительных знаков препинания и по силе выделительной функции занимает промежуточное положение [6, с. 42]. Для тире характерно совмещение функций «выделение + связь», но чем больше сила выделения, тем меньше сила связи. В связи с этим запятая предполагает большую силу связи, чем тире и особенно скобки.

Стоит отметить, что при выделении причастного оборота авторы реже используют тире, чем запятую, однако и такие случаи встречаются: *В том месте, где следы наши пересеклись, он – прошедший за спиной – остановился; Ни вдоха, ни треска сучка не слышал я, но слышал: он – пересекающий след – рядом* (Ю. Коваль); *Здесь умирали герои, но это была не настоящая смерть, а лишь ее театральное изображение, в то время как рядом, в древнеримском цирке, – так же удивительно сохранившемся – грубо, варварски, дико властвовала подлинная смерть* (В. Катаев); *В подъездных дверях была открыта только одна створка – проломленная и висящая на одной петле, – и там тоже произошло небольшое стеснение* (А. Волос); *Иногда он выныривал из дыма – извивающийся с закрытыми глазами, что-то шепчущий – и снова пропадал в дыму* (В. Аксёнов); *Лагерная, голодная на живое зона – оцетиненная железными рядами колючих проволок, прорезанная лишь узкими дорожками из гравия, насыпанными так глубоко, что сапоги, ступая, вкручивались с хрустом, точно шурупы – не пугала и даже не будоражила нервов, ставших вдруг такими же глухими* (О. Павлов). Использование двойного тире в последнем примере может быть объяснено тем, что обособленная конструкция итак нагружена знаками препинания. Автор мог выбрать либо традиционное выделение запятыми, либо поставить тире только во втором случае, либо (как в данном предложении) поставить два тире, чтобы сосредоточить внимание читателя именно на характеристике зоны, правильно расставить все акценты.

Таким образом, основная причина использования тире вместо традиционных запятых при обособлении причастного оборота – не столько конструктивное членение предложения, сколько коммуникативное. Чаще всего тире используется в целях оформления коммуникативной устроенности высказывания.

Скобки для обособления причастного оборота используются крайне редко. Это связано с тем, что скобки предполагают максимальную степень выделения и минимальную степень связи с определяющим словом. Однако сильная атрибутивная функция причастия, входящего в состав оборота, практически не позволяет выделить причастный оборот в иной план изложения, чему и служат скобки. Скобки могут использоваться для выполнения различных функций: для передачи «второстепенной» информации, сопутствующей основной и сообщенной вскользь, мимоходом; и наоборот, для сообщения очень важной информации, которая могла бы быть незамеченной при другом пунктуационном выделении. В любом случае скобки – это сильный в графическом отношении знак, сразу привлекающий внимание читателя к заключенной внутри информации. При употреблении скобок коммуникативная функция довлеет над конструктивной: *Попробует, обопрется, плюнет, оставит их в сторону, и в своем гипсовом сапожке (уже подзапачканном) – топ-топ к раковине, к холодильнику...* (И. Грекова) Интонация, с которой прочитывается данное предложение, существенно отличается от той, с которой бы оно читалось при поставленных запятых. Если двойная запятая сигнализирует о грамматическом и смысловом членении предложения, то скобки сигнализируют о разрыве последовательности изложения, о включении в повествование второго, но не всегда второстепенного плана изложения.

Другие знаки препинания, в частности двоеточие и точка с запятой, практически не используются для выделения причастного оборота. Несмотря на то, что художественная литература значительно расширяет сферу использования тех или иных пунктуационных знаков, двоеточие и точка с запятой имеют особые условия функционирования, что делает почти невозможным их употребление при причастном обороте. Особенно это касается двоеточия. На протяжении долгого времени двоеточие имело достаточно узкую сферу применения, ограниченную пояснительно-разъяснительными значениями, поэтому двоеточие крайне редко используется для разграничения определяемого слова и зависимого от него причастия. Однако в практике художественного текста встречаются и такие случаи: *Даже с виду они были необыкновенными: разросшиеся от старости, дряблые и сухие, как у слона; Весь здешний край удивительным образом напоминал эту небольшую косу: заброшенный, почти безымянный, отрезанный*

от собственной истории и чуждый настоящему времени (Л. Улицкая).

Точку с запятой – тоже крайне редко – можно встретить, однако только при обилии причастных оборотов в предложении, для отделения последующих причастных оборотов от первого: *Вот, значит, перед вами он, человек совершенно бездарный; посредственный преподаватель; плохой ученый; кислый, толстый, грязный; закоренелый мужеложник, глупо презирающий американский быт; победоносно кичащийся своим незнанием английского языка; процветающий в чопорной Новой Англии; балуемый пожилыми людьми и ласкаемый мальчишками* (В. Набоков). Тем не менее первый (или единственный в предложении) причастный оборот не будет отделяться от определяемого слова при помощи точки с запятой: этот знак практически равнозначен точке, постановка которой невозможна из-за атрибутивной функции причастия.

Обратимся теперь к препозитивному причастному обороту. Традиционно причастный оборот, находящийся в препозиции, не обособляется: *Вышедший рано утром отряд прошел уже три версты* (Л. Толстой); *Около Ялты из садов потянуло застоявшимся за день теплом* (К. Паустовский). Исключение из этого правила составляют предложения, в которых причастный оборот осложнен дополнительным обстоятельственным значением (причины, условия, уступки, времени): *Охваченный каким-то неясным предчувствием, Корчагин быстро оделся и вышел из дому* (Н. Островский); *Утомленные маминной чистоплотностью, ребята приучались хитрить* (В. Панова). Наличие обособления «повышает коммуникативную значимость определения», так как свидетельствует о «полупредикативной роли определения и подчеркивает его смысловую связь со сказуемым» [5, с. 261]. (Случаи корреляции причастного оборота с личным местоимением мы не будем рассматривать, так как в таких предложениях обособление обязательно и в препозиции, и в постпозиции.)

В абсолютном большинстве случаев причастный оборот, находящийся в препозиции, действительно обособляется при помощи запятой, как того требует правило. Однако для выделения препозитивного причастного оборота используется и тире. Но такие случаи достаточно редки: *Человек рождается лишь однажды и матерью должен называть лишь одну – родившую его! – женщину* (А. Алексин).

Не стоит забывать также, что обособление препозитивного определения, выраженного причастным оборотом, зачастую зависит от авторской интенции, что свидетельствует о факультативности некоторых случаев обособления. Между тем факультативность некоторых пунктуационных знаков не усложняет, а обогащает письменную речь, служит созданию экс-

прессии, «дает возможность добиваться большой степени точности и выразительности письменной речи» [8, с. 35]. Ритмомелодия предложения также является одним из факторов, обуславливающих постановку знаков препинания либо их отсутствие: «... ритмомелодия сама является производным от тех или иных смысловых отношений между составными частями предложения, представляя собою одно из средств выражения этих отношений, и от самого говорящего обычно зависит, внести ли в предложение тот или иной оттенок смысла или не вносить его, а следовательно, сделать ли в том или ином месте паузу или не делать ее» [9, с. 253].

Современная художественная практика демонстрирует многочисленные случаи нерегламентируемого правилами членения предложения. В большинстве случаев это необходимое дополнительное средство экспрессии в индивидуально-авторском стиле. Традиционный знак обособления – запятая – используется чаще других знаков, так как ее выделительной силы вполне хватает для выполнения конструктивной и коммуникативной функций. Это может быть отнесено и к препозитивному, и к постпозитивному причастному обороту. Однако в последнее время такой «активный» знак, как тире, все чаще используется в художественных текстах, вытесняя позиции других знаков. Его употребление обусловлено не столько конструктивной, сколько коммуникативной установкой пишущего: сделать акцент на передаваемой причастным оборотом информации, заострить на ней внимание читателя. Еще один выделительный знак препинания «скобки» используется редко, так как большая степень силы выделения помещает причастный оборот в иной коммуникативный пласт, что не характерно для причастного оборота с сильной атрибутивной функцией. Двоеточие как знак препинания для отделения причастного оборота от определяемого слова почти не используется: это обусловлено спецификой функционирования этого знака препинания, особой сферой смыслов, им передаваемых. Употребление точки с запятой возможно в предложениях, содержащих несколько причастных оборотов, чтобы сделать более четкий акцент на каждом из них.

Авторская пунктуация при обособлении причастного оборота является интересным объектом для исследования: нетрадиционные способы введения причастного оборота в предложение раскрывают эмоциональные и психологические аспекты восприятия автором действительности и средств ее передачи.

Среди тех средств, которые работают на сближение пресуппозиций читателя и писателя, участвуют в экспликации имплицитных смыслов текста, в укрупнении и развертывании неприметного, которое может лежать на поверхности, являясь необходимым, но оставаться незамеченным, не попадаясь в поле внимания в силу разных причин, обособлению в его

специфической графической репрезентации принадлежит огромная роль.

Писатель, прибегая к особым графическим способам предъявления словесного материала, вправе рассчитывать на особое внимание к содержательной стороне, назначению и функциям используемых средств.

Однако пока мы можем руководствоваться только собственной интуицией, языковым чутьем для осознания этих явлений, чего явно недостаточно для интерпретации. В комментариях к тексту, которые сопровождают академические издания произведений, мы очень редко находим какие-либо указания на особенности пунктуации, на значение авторских знаков, авторской пунктуации. Вместе с тем С. А. Рейсер, автор «Основ текстологии», замечает: «Для художника имеют значение не только такие очевидные факторы, как, например, рифма или ритм (и стиха, и прозы), но и звучание того или иного слова, их сочетание, даже их рисунок («внешность») и целый ряд других, не всегда понятных нам условий, которыми он руководствуется при их выборе» [10, с. 8].

Очевидно, что изучение пунктуации художественного текста требует особого подхода как к явлению не просто внешнему, формальному, а системе, позволяющей реализовывать и воспринимать глубокие внутренние формы. Важно понять, что «трудные вопросы» авторской пунктуации, всякого рода отклонения от нормы требуют синергетического подхода, требование которого заключается в том, чтобы не навязывать языковому материалу системности и не интегрировать его с позиции господствующих научных представлений, а видеть в нем феномен культуры, зависящий от человека. Именно автор с помощью тех или иных пунктуационных знаков, выполняющих в тексте различные функции и напрямую зависящих от авторской интенции, способен передать тончайшие оттенки смысла.

Прагматическое содержание текста и его эксплицитное и имплицитное выражение реализуются через систему пунктуационных позиций, специально создаваемых автором, которые можно определить как элементарные по отношению к системе письменной речи, но они являются основными и обязательными для репрезентации прагматического аспекта текста.

Как показывает анализ практики оформления причастного оборота, это синтаксическое явление должно быть исследовано в номинативном, коммуникативном и прагматическом аспектах. В этом случае мы сможем преодолеть ограниченность существующих представлений о, казалось бы, исчерпывающе изученном явлении, т.е. выполним важную задачу лингвистической науки: мы найдем новые классификационные основания, «сообразуясь с системой ориентаций и ценностных установок, идущих от наиболее перспективных для данного конкретного времени научных концепций, открывающих новые подходы к старым проблемам» [1, с. 8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ломов А. М. Типология русского предложения / А. М. Ломов. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1994. – 280 с.
2. Правила русской орфографии и пунктуации. – М. : Учпедгиз, 1956. – 176 с.
3. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2001. – 304 с. – Режим доступа: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/index.html?part-014.htm>
4. Ломов А. М. Русский синтаксис в алфавитном порядке : понятийный словарь-справочник / А. М. Ломов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – 400 с.
5. Скобликова Е. С. Современный русский язык : синтаксис простого предложения / Е. С. Скобликова. – М. : Флинта, 2006. – 320 с.
6. Шварцкопф Б. С. Современная русская пунктуация : система и ее функционирование / Б. С. Шварцкопф. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
7. Николина Н. А. Активные процессы в языке современной русской художественной литературы : монография / Н. А. Николина. – М. : Гнозис, 2009. – 336 с.
8. Валгина Н. С. Понятие факультативности применительно к употреблению знаков препинания / Н. С. Валгина. // Современная русская пунктуация / отв. ред. Л. И. Скворцов. – М. : Наука, 1979. – 261 с.
9. Шапиро А. Б. Основы русской пунктуации / А. Б. Шапиро. – М., 1955. – 400 с.
10. Рейсер С. А. Основы текстологии : учеб. пособие для студ. пед. ин-тов / С. А. Рейсер. – Изд. 2-е. – Л. : Просвещение, 1978. – 176 с.

Воронежский государственный университет

Кольцова Л. М., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка

E-mail: kolzowa@mail.ru

Тел.: 8-950-761-98-24

Новикова О. Ю., аспирант кафедры русского языка

E-mail: iacosta25@rambler.ru

Тел.: 8-908-133-11-04

Voronezh State University

Koltsova L. M., Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Language Department

E-mail: kolzowa@mail.ru

Tel.: 8-950-761-98-24

Novikova O. Yu., Post-graduate Student of the Russian Language Department

E-mail: iacosta25@rambler.ru

Tel.: 8-908-133-11-04